

Коммуникативные аспекты *требования* в юридическом дискурсе

Елена Н. Геккина

*Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия, gekkina@rambler.ru*

Аннотация. Ставится задача определить смысловые и коммуникативные особенности лексемы *требование*, используемой в Уголовном кодексе Российской Федерации. Установление дискурсивно обусловленных признаков термина осуществляется с опорой на сопоставление с характеристиками, какие общеупотребительная лексема *требование* имеет в лингвистических описаниях. Обзор статей УК показывает, что правовые дефиниции в большинстве своем содержат узусные употребления лексемы *требование*, обозначающей нормативные установки (правила) в разных сферах социальной деятельности. Упоминания *требований* могут быть дифференцированы с учетом их темпоральной маркировки, соотношенной с типом девиации (нарушения). В двух статьях УК РФ описываются ситуации, когда *требования* выдвигаются субъектами правонарушения. При этом диспозиция статьи 163 «Вымогательство» является специфичной и уникальной, поскольку в ней представлен единственный в УК РФ случай предъявления субъектом правонарушения его личного требования. Особенности требования, включенного в диспозицию этой статьи, рассматриваются через призму метаязыковых комментариев юристов. Еще одним этапом анализа стала конкретизация универсальных семантических признаков речевых требований. В заключение сделан вывод о двучастном характере коммуникативной структуры вымогательского требования, так как в криминальной ситуации решающим фактором, обуславливающим истолкование предложения, выражающего желание вымогателя, становится сопровождающая это сообщение угроза.

Ключевые слова: императив, побуждение, коммуникативная структура речевого действия, терминология, семантика требования, угроза, метаязык, профессиональная речь, глоссарий

Для цитирования: Геккина Е.Н. Коммуникативные аспекты *требования* в юридическом дискурсе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 12. С. 73–81. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-73-81

Communication aspects of the *demand* in the legal discourse

Elena N. Gekkina

*Institute for Linguistic Studies, RAS, Saint Petersburg, Russia,
gekkina@rambler.ru*

Abstract. The task is to determine the semantic and communicative features of the lexeme *demand* used in the Criminal Code of the Russian Federation. The establishment of discursively determined characteristics of the term is carried out based on comparison with the typical characteristics that a commonly used lexeme *trebovaniye* (*demand*) has in linguistic descriptions. It was found that legal definitions for the most part contain the usual practicing of the lexeme *trebovaniye*, denoting normative attitudes in various spheres of social activity. References to *demands* can be differentiated depending on the temporal marking associated with the type of deviation (offense). Two articles of the Criminal Code of the Russian Federation describe situations when demands are made by the subjects of the offense. At the same time, the disposition of the article 163 – “Extortion” is specific and unique, since it presents the only case in the Criminal Code when a subject of an offense presents his personal claim. The specifics of the demand included in the disposition of that article are considered through the prism of metalanguage comments by lawyers. Another stage of the analysis was the concretization for universal semantic features of speech demands. The conclusion is made about the two-part nature of the communicative structure of the extortionate demand, since in a criminal situation, the threat accompanying this message becomes the decisive factor determining the interpretation of the sentence expressing the desire of the extortionist.

Keywords: imperative, motivation, communicative structure of speech action, terminology, semantics of demand, threat, metalanguage, professional speech, glossary

For citation: Gekkina, E.N. (2024), “Communication aspects of the *demand* in the legal discourse”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 12, pp. 73–81, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-73-81

В тексте Уголовного кодекса Российской Федерации¹ терминологические лексемы *требовать*, *требующий*, *требование* используются неоднократно, что говорит об их принадлежности

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 10.05.2023).

активной части юридического глоссария. Показательна статистика номинации *требование*: она употреблена в 19 статьях УК, общее количество вхождений – 39. Контексты свидетельствуют о сохранении многозначной лексемой способности обозначить, во-первых, нормативные установки (правила) в тех или иных сферах социальной деятельности, во-вторых, такое действие субъекта, какое может трактоваться как выражаемая в категорической форме просьба, распоряжение. При этом текстовый материал статей УК иллюстрирует и дискурсивно обусловленные особенности употребления лексемы *требование*.

В содержании статей получают отражение два типа ситуаций, различающихся по позиции субъекта правонарушения по отношению к *требованиям*. В одних случаях речь идет о внешних, предустановленных в какой-либо сфере деятельности или определяемых экстремальными обстоятельствами нормативных установках, какие следовало или следует соблюдать субъекту правонарушения. В других случаях речь идет о требованиях, какие выдвигает сам субъект правонарушения, полагая, что адресат их выполнит. Соответственно, статьи УК объединяются в две группы, отчетливо противопоставленные по типологическим признакам компонента «требования».

Статьи первой группы описывают общие и частные аспекты внешних, объективных требований, какие субъект правонарушения должен выполнять. Группа объединяет 17 статей УК, включающих наибольшее количество употреблений лексемы *требование* (37).

Законодательные нормы регламентируют ситуации нарушения и соблюдения требований в границах прошлого, настоящего или будущего времени.

К временному плану прошлого отнесены нарушения требований. В содержательном плане эти нарушения разнообразны, что находит отражение и в количественном преобладании употреблений лексемы (31). Статьи описывают ситуации *нарушения требований*: *законодательства; охраны труда; транспортной, промышленной и пожарной безопасности; сохранения или использования объектов культурного наследия; обеспечения антитеррористической защищенности объектов; по защите государственной тайны; к пропуску трафика*.

Отступления от требований обозначаются не только как *нарушения*, но и как *невыполнение (законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения)* и *несоблюдение (требований к сетям связи)*. Идею невыполнения выражает и словосочетание *не отвечающий требованиям* (ср. *выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности*). Разновидно-

стью нарушений, относящихся к имущественным и денежным требованиям кредиторов, являются *неправомерное удовлетворение требований* и *неспособность удовлетворить требования*. При характеристике невиновного причинения вреда (ст. 28) упоминается *несоответствие психофизиологических качеств лица требованиям экстремальных условий*, то есть выделяется еще один тип позиции субъекта правонарушения, в этом случае по отношению к *требованиям* объективных обстоятельств.

Статья 206 УК описывает ситуацию, когда требование предъявлено субъекту в настоящий момент, при совершении противоправных действий (*лицо, добровольно или по требованию властей освободившее заложника*). Когда назначаются принудительные меры воспитательного характера, то формулируются и требования к поведению и действиям субъекта в будущем; в частности, устанавливаются *особые требования к поведению несовершеннолетнего*; ему может быть предъявлено *требование возвратиться в образовательную организацию либо трудоустроиться* (ст. 90, 91).

Вторая группа представлена двумя статьями УК, в которых речь идет о требовании самого субъекта, совершающего преступное деяние. В диспозиции ст. 141 «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий» *требование должностного лица* по вопросам, относящимся к компетенции избирательной комиссии, комиссии референдума, квалифицируется как вмешательство в работу комиссии. Статья 163 УК описывает преступное вымогательство, составной частью которого является *требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера*.

Фрагменты двух статей, сообщающие о выдвигаемом субъектом правонарушения требовании, различаются категориально и параметрически. В описании *вмешательства в работу избирательных комиссий* речь идет об отступлениях от заведомо регламентированной деятельности, или нарушениях предусмотренных требований. Описание *вымогательства* – единственное в своем роде и даже уникальное, поскольку диспозиция статьи включает личное требование, которое охарактеризовано только тематически. Тематика не предопределяет преступной сути требования: передача чужого имущества, права на имущество или совершения других действий имущественного характера может быть законной. Никакие заведомо определенные нормы в этом случае не рассматриваются; регламенты и предусмотренные требования не подразумеваются и не служат ориентиром для правовой оценки. Основание правовой оценки – трактовка, какую дают действиям вымогателя адресат этих действий (потерпевший) и правоприменитель.

Совершенно закономерно возникает вопрос о том, какими критериями руководствуется правоприменитель, квалифицируя действие вымогателя именно как требование? Какие признаки, прежде всего речевые, составляют суть того *требования*, какое вымогатель адресует собеседнику?

Как известно, разъяснения специалистов содержатся в комментариях к статьям УК РФ, в научно-теоретических публикациях, в послесловии к кейсам из судебной практики.

Предпринятый нами поиск тематических метаязыковых высказываний в юридических текстах убедил в том, что разъяснения к понятию *требование* даются отнюдь не всегда, не в обязательном порядке. Собранные по разрозненным текстам метаязыковые высказывания юристов свидетельствуют о стремлении указать на основные коммуникативные и жанрово-стилистические особенности речевых продуктов, какие могут оцениваться как компонент преступного деяния: *применительно к вымогательству требование означает выраженное в решительной форме предложение виновного к потерпевшему о передаче имущества, права на него или совершения действий имущественного характера. Требование означает настоятельное, категоричное предложение ультимативного характера безвозмездно предоставить вымогателю имущество либо документы, совершить в его пользу действия имущественного свойства. Требование – строгое указание, равносильное приказу; категорическое указание потерпевшему совершить какое-либо имущественное поведение.*

В ряде комментариев уделяется внимание форме речевых продуктов, при этом обсуждаются и способы коммуникации, и языковые средства, и степень прозрачности семантики языковых единиц, и их экспрессивно-стилистические особенности: *Форма требования значения не имеет. Оно может быть высказано как в устной, так и письменной форме, как лично, так и с использованием различных коммуникационных средств; Требование может быть как резким, грубым, так и изысканно-вежливым; может быть как прямым, так и иносказательным, завуалированным.*

Из описаний извлекается парадоксальный вывод: требование может быть выражено в любой речевой форме, включая иносказательную, завуалированную; форму требования допустимо определить предельно обобщенно как *иная*.

Авторы прибегают к номинациям, актуализирующим коммуникативные признаки и качества действий вымогателя, иллокутивные и перлокутивные эффекты сообщаемого: *требование предполагает безусловное его выполнение; Требование вымогателя представляет собой неправомерное настояние, повеление.* Описания могут не предполагать речевых действий, достаточными представляются

общие прагматические оценки поведения вымогателя: *вымогательское требование состоит в **склонении** потерпевшего к активной форме имущественного поведения.*

Обратимся к типовым характеристикам *требования* в лингвистических описаниях. Категория императивности и способы ее выражения, к которым отнесено и речевое требование, получают истолкование в лексикографических изданиях, в теоретических работах по грамматике и речевой коммуникации.

В словарях русского языка лексема *требование* в значении, относящемся к речевой деятельности, толкуется сходным образом; ср.: «Настоятельная просьба, желание, выраженные в категорической форме»²; «Выраженная в решительной, категорической форме просьба, распоряжение»³.

В развернутых лингвистических описаниях *требование* квалифицируется с учетом его коммуникативной целеустановки и относится к речевым действиям директивного типа, инициирующим определенные поступки людей, их поведение, какую-либо деятельность. Предпосылкой *требования* как речевого действия является мнение субъекта о том, что адресат или другие лица должны сделать нечто, в чем говорящий заинтересован⁴. Категорическая форма требования, в том числе его интонация, обуславливаются прежде всего семантикой долженствования.

Противопоставленность коммуникативных аспектов речевых действий требующего субъекта и адресата требования может быть передана в контрастивной характеристике *желания* говорящего и слушающего; ср.: «Требование представляет собой коммуникативный тип целеустановки, под которым мы понимаем выражение желания говорящего, чтобы слушающий совершил то или иное действие, которое он должен совершить, что не зависит от его желания» [Безяева 2002, с. 55].

В типовой характеристике требования отмечается постречевой эффект: требование вызывает ответную реакцию адресата, в которой передается согласие либо отказ выполнить обозначенное действие. Ответные действия адресата стандартизированы: это может быть высказывание, сообщающее: а) о согласии выполнить обозна-

² Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 4. М.: Русский язык, 1988. С. 401.

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994. С. 797.

⁴ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: 2-е изд., испр. и доп. / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М.; Вена: Языки русской культуры, 2004. С. 860.

ченное действие (действия); б) об отказе выполнить обозначенное действие; в) о согласии выполнить действие на определенных условиях. Отсутствие ответной реакции истолковывается участниками с учетом обстоятельств и смысловых признаков коммуникации как согласие или отказ выполнить действие, то есть истолковывается в границах стандартизированных типов ответа.

Условия речевого действия требования различаются в зависимости от того, предполагают они это действие (ср. условия военной службы, выполнения должностных обязанностей начальником и его подчиненными) или нет (ср. общение собеседников, не связанных иерархическими отношениями, например деловых партнеров или лиц, поддерживающих дружеские связи).

Коммуникативные предпосылки и совокупный репертуар средств выражения для стилистически нейтральных и маркированных (в деловой речи, в повседневном речевом обиходе) требований рассматриваются как общие, не разделяемые по какому-либо лингвистически значимому критерию.

В русском языке требование выражается вариативным рядом конструкций, или лексико-грамматических и просодически оформленных комплексов. Разнотипные языковые формулы имеют общие семантические признаки. Эта общность служит одним из доводов в пользу утверждения о том, что речевое действие требование кодируется и распознается исключительно на семантическом уровне. Узуальные средства выражения выступают в роли подходящей «упаковки», с определенным опытом использования в той или иной речевой среде.

С точки зрения мотивации смыслового плана форма требования оказывается «нулевой», и очевидно, что «ответственность» за передачу коммуникативных и номинативных элементов речевого действия принимает на себя план содержания, выстраиваемый как определенный комплекс семантических компонентов. На наш взгляд, это общий, универсальный комплекс для разных по функционально-стилистическим особенностям требований. Его можно представить следующим образом: 'я сейчас говорю': 'вы сделаете это в будущем'. Если за рамками определения оставить указания на говорящего, его речевое действие с темпоральной пометой, то в лаконичном виде семантический комплекс может представлять формула 'вы сделаете это'.

Семантические формулы 'я сейчас говорю': 'вы сделаете это в будущем'; 'вы сделаете это' эксплицируют несколько соотношений: во-первых, темпоральное (в настоящий момент времени говорится о том, что кто-либо сделает нечто в будущем); во-вторых, обязательное (действие будет выполнено обязательно, непременно, оно

рассматривается как реальное событие, как реальность будущего, чем объясняется и категоричность, модальность долженствования); в-третьих, субъективно-модальное (это реальность будущего, вне зависимости от желания адресата – его о желании не спрашивают, не предлагают выбирать какие-либо варианты, не предлагают выдвигать собственный вариант).

Требование не завязано на коллизии «я говорю – *ты* сделаешь». Семантическая формула может описывать требования говорящего (автора), адресованные самому себе.

Сущностно важным является свойство реальности будущего действия, оно интерпретируется именно в таком качестве. Безусловно, это высвечивает проблематику общечеловеческого взгляда на будущее, на деятельность в будущем: о ней по-прежнему говорят только в настоящем, обеспечить же исполнение будущих действий способны надежные предпосылки и залогов их организации.

Лингвистические характеристики выявляют категориальное свойство требования как самостоятельного речевого действия: требование не может быть косвенным, оно всегда выражается в прямом виде.

Вернемся к правовому понятию *требования*, составляющему компонент диспозиции статьи «Вымогательство» в УК РФ. Вымогательское *требование* обладает особенностями, несводимыми к стандартному представлению о требовании, выраженном языковыми средствами. Юристы в комментариях отмечают, что требование может быть выражено в любой речевой форме, в том числе завуалированной. На каком же основании не прямо, завуалированно выраженное требование квалифицируется именно как требование?

В УК назван второй сущностный признак вымогательства – угроза, сопутствующая требованию. Тематические маркеры в описании угрозы не оставляют сомнений в ее неправомерном характере: «...под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких...» Это означает, что выраженное в любой форме желание говорящего, чтобы адресат выполнил действие, интерпретируется как требование в контексте преступной угрозы.

Таким образом, *вымогательское требование* имеет более сложную коммуникативную структуру по сравнению со структурой стандартного речевого действия *требование*. Структура вымогательского требования является двучастной: есть компонент угроза и есть сообщение о *желании* получить нечто. Структурные части

вымогательского требования взаимосвязаны, их логико-смысловое соотношение определяется однозначно: если есть преступная угроза – то поступившее адресату предложение (выраженное желание, чтобы адресат выполнил действие) может восприниматься, трактоваться как требование.

В заключение назовем основные отличия, предопределяемые дискурсивной принадлежностью понятия, именуемого *требованием*. Речевое действие *требование* прямо выражает сообщение 'вы сделаете это' и призвано служить позитивным, организующим началом в деловой, профессиональной, учебной и повседневной деятельности. Требование в ситуации преступного вымогательства не всегда открыто передает адресату информацию о необходимости выполнить какое-либо деструктивное для него действие; вербальные и невербальные средства коммуникации дополняет угроза, и именно она влияет на «верный» ход рассуждений адресата и предопределяет соответствующую трактовку даже не *настоятельной просьбы*, а всего лишь *предложения* или *сообщения о желании* говорящего.

Литература

Безяева 2002 – Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М.: Изд-во МГУ, 2002. 752 с.

References

Bezyaeva, M.G. (2002), *Semantika kommunikativnogo urovnya zvuchashchego yazyka: voliez'yavlenie i vyrazhenie zhelaniya govoryashchego v russkom dialoge* [Semantics of the communicative level of a sounding language. The expression of the speaker's will and desire in a Russian dialogue], Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена Н. Геккина, кандидат филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; 199053, Россия, Санкт-Петербург, пер. Тучков, д. 9; gekkina@rambler.ru

Information about the author

Elena N. Gekkina, Cand. of Sci. (Philology), Institute for Linguistic Studies, RAS, Saint Petersburg, Russia; 9, Tuchkov Line, Saint Petersburg, Russia, 199053; gekkina@rambler.ru